
САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

О.Б. Максимова

Кафедра иностранных языков
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В данной статье автор рассматривает проблему самоидентификации в интернет-коммуникации, фокусируя внимание на гендерном аспекте данной проблемы. Акцентируется связь субъекта сетевой коммуникации с номадическим субъектом, рассматривается влияние интернет-коммуникации на языковую личность. Автор выдвигает гипотезу о бинарной структуре унитарного субъекта сетевой коммуникации, причем гендерное измерение обнаруживается в обоих компонентах данной структуры.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, самоидентификация, гендерная идентичность, конструирование гендера, гендерные стереотипы, номадический субъект, «человек кликающий», гипертекст, языковая личность.

Подвижность и размытость очертаний картины социального мира, воспринимаемой познающим себя современным индивидом, наряду с радикальным изменением коммуникативной среды его обитания обуславливает необходимость новой постановки вопроса о самоидентификации.

Действительно, легко представить себе состояние растерянности и фрустрации, в котором пребывает человек, когда все привычные ориентиры, играющие роль базиса в том социальном пространстве, в котором осуществляется его самоидентификация, оказываются зыбкими и ненадежными. Между тем проблема самоидентификации, самопознания, самоопределения и самоутверждения индивида, то есть проблема построения и полноценного проявления его личности, — это всегда социальная проблема и всегда — проблема коммуникации. Ключевую роль коммуникации в самоидентификации совершенно справедливо акцентирует К. Ясперс, когда утверждает, что человек «становится собой всегда только в коммуникации» [12. С. 103].

Развивая данный тезис, можно предположить, что самоидентификация является не только неявным результатом любого коммуникативного акта, но отчасти и его целью, не всегда осознанной. Упрощенно говоря, мы предполагаем, что индивид выстраивает «траекторию» своей коммуникации таким образом, чтобы в наибольшей степени удовлетворить свою потребность в самоидентификации; он старается сформировать такой круг общения, как профессионального, так и частного, в котором он сможет наилучшим образом раскрыть свою индивидуальность, «почувствовать себя собой». Из тех же соображений выбираются занятия, не связанные напрямую с межличностным общением, но относящиеся, тем не менее, к коммуникации, такие как чтение, просмотр телепрограмм, шопинг и т.д.; в той или иной степени все эти занятия обеспечивают самоидентификацию.

Именно в данном контексте, то есть с точки зрения обеспечения самоидентификации, мы попробуем рассмотреть виртуальную коммуникацию. Мы считаем, что именно такой ракурс рассмотрения виртуальной коммуникации позволяет наиболее отчетливо проявить социальную и культурную значимость интенсивного развития новых информационных технологий. Не случайно именно с развитием новых технологий ассоциируется гипотеза о возникновении новой «кликающей» культуры и, соответственно, нового типа идентичности человека «кликающего» [11. С. 111—120]. С нашей точки зрения, возникновение данного паттерна идентификации и, соответственно, корректировка структуры личности современного индивида могут быть обусловлены не столько техническим прогрессом коммуникационных технологий, сколько неадекватностью «живой» коммуникации задачам самоидентификации.

Вообще, когда мы ставим вопрос о влиянии новой формы коммуникации на процессы, связанные с самоидентификацией, нельзя упускать и обратного влияния, то есть возможной обусловленности возникновения и развития новых форм коммуникации проблемой идентичности и самоидентификации современного индивида (прежде всего представителя информационного общества). Иными словами, мы предполагаем, что конфигурация многомерного коммуникативного пространства западного общества оказывается недостаточно удобной и адекватной целям самоидентификации, вследствие чего возникает потребность в новой степени свободы для более точного конструирования, дислокации и репрезентации специфического вектора «я», обозначающего индивида. Эту новую степень свободы и предоставляет коммуникативному пространству западного общества Интернет.

Возможную значимость гиперпространства в плане самоидентификации подчеркивал теоретик информационного общества М. Кастельс, вводя в оборот понятие «реальной виртуальности»: «...реальность... настолько заслоняется виртуальными образами, полностью погружаясь в воображаемый мир, в мир иллюзий, что образы, видимые на экране... сами по себе составляют познаваемую реальность» [13. Р. 404]. Тем самым самоидентификация, как обнаружение и проявление себя в познаваемом мире, может заслоняться и замещаться самоидентификацией в виртуальном мире.

Ниже мы попытаемся проанализировать, в какой мере виртуальная коммуникация разрешает проблему самоидентификации; в частности, мы попробуем разобраться, конкурирует ли «самоидентификация в Интернете» с «самоидентификацией в живом общении» или же здесь имеют место отношения дополнения и преемственности. Это позволит нам прояснить некоторые характеристики человека «кликающего», выявить его связь с человеком «говорящим и читающим» и отследить соответствующий генезис. При этом мы сфокусируем внимание именно на гендерном аспекте данной проблемы, прежде всего поскольку гендерная идентичность — осознание себя в качестве представителя своего пола — является наиболее устойчивой к социальным трансформациям подструктурой социальной личности [9. С. 104]. Кроме того, значимость гендерного измерения самоидентификации возрастает в то время, когда привычные социальные ориентиры теряют

былое идентификационное значение, а новые еще не установлены. Между тем, как было отмечено выше, именно такие условия явились предпосылкой интенсивного прогресса коммуникационных технологий, сопровождающегося появлением новых моделей самоидентификации.

Соответственно, представляется актуальным вопрос о том, в какой степени и в каком смысле «виртуальная личность», которая конструируется в процессе сетевой коммуникации, может воспроизводить гендер «реальной личности», и допустимо ли в принципе приписывать гендерные характеристики «виртуальной личности». Кроме того, вызывает интерес проверка на гендерную нейтральность виртуальной коммуникации как таковой: можно ли считать, что те когнитивные и психологические особенности личности, которые оказываются наиболее востребованными сетевой коммуникацией, и которые, соответственно, придают самоидентификационную предпочтительность именно этой форме коммуникации, в равной степени присущи мужчинам и женщинам, или же здесь возможна некая гендерная асимметрия? Необходимо отметить, что подобная постановка вопроса, использующая маркировки биологического пола, не означает, что мы предполагаем существование изначальных «природных» различий мужчин и женщин, порождающих и детерминирующих их дальнейшую диверсификацию. Наша интерпретация понятия «гендер» в целом соответствует подходу теоретиков социального конструктивизма, согласно которому гендер предстает как измерение социальных отношений, укорененное в данной культуре, и, соответственно, включает в себя стереотипные представления о мужских и женских характеристиках [6]. При этом данные представления присущи каждому индивиду и, соответственно, оказывают определенное влияние на его самооценку как представителя своего пола, то есть на гендерную самоидентификацию. Именно в этом смысле говорят, например, о «женской логике», «женском уме» и т.п.

В соответствии с поставленными выше задачами рассмотрим некоторые свойства сетевой коммуникации, проявляющие, с нашей точки зрения, ее специфику в плане обеспечения самоидентификации; при этом мы постараемся проявлять, отслеживать и анализировать гендерный контекст там, где это окажется возможным.

1. Прежде всего необходимо отметить текстовый характер сетевой коммуникации: общение в Сети представляет собой, преимущественно, оперирование текстами. Соответственно, представляет несомненный интерес вопрос о том, как это общение влияет на самоидентификацию индивида в качестве субъекта речевой деятельности, то есть на его языковую личность, «обуславливающую создание и восприятие речевых произведений (текстов)» [4. С. 104]. Мы считаем, что этот вопрос имеет два аспекта, в равной степени значимых с точки зрения проявления специфики сетевой самоидентификации.

С одной стороны, коммуникативная деятельность участника сетевого общения не ограничивается производством и восприятием текстовых сообщений: эта деятельность сопровождается всевозможными виртуальными перемещениями, обеспечивающими выбор «места коммуникации», причем эти перемещения органически встраиваются в структуру сетевой самоидентификации.

Необходимо отметить, что аналогичная деятельность, проявляющаяся в выборе траектории коммуникации в живом общении, выходит за рамки языковой личности: в то время, когда индивид выбирает собеседников или, например, ту или иную книгу, его языковая личность не проявляется. Что же касается виртуальной коммуникации, то здесь ситуация принципиально иная: любые виртуальные перемещения («кликанье») неразрывно связаны с производством/восприятием виртуальных текстов; контакт с виртуальной средой коммуникации предполагает постоянную готовность «кликать», не прерывающуюся ни чтением, ни письмом.

Другими словами, дискурсивные практики участника сетевого общения включают не только традиционную речевую деятельность, но и «кликанье», причем соответствующие компоненты «виртуальной самоидентификации» почти неразличимы, практически не разделены во времени и совмещены в том, что можно назвать «структурой виртуальной личности».

Таким образом, мы предполагаем бинарную структуру конфигурации идентичности, конструируемой в ходе сетевой коммуникации. Один компонент этой бинарной структуры можно назвать «субъектом производства и восприятия виртуального текста», другой компонент — «субъектом виртуального поиска». При этом необходимо подчеркнуть, что данные компоненты образуют единый конструкт — субъект сетевой коммуникации.

Соответственно, сетевая самоидентификация выходит за рамки самоидентификации языковой личности по той причине, что коммуникативная деятельность в сетевом общении не ограничивается производством и восприятием текстов, а значит, когнитивные и коммуникативные навыки, востребованные сетевой коммуникацией, должны отличаться от навыков «производства и восприятия текстов», образующих языковую личность.

С другой стороны, та составляющая личности, которая проявляется непосредственно в процессе производства и восприятия сетевых текстов, также обнаруживает неоднозначность определения. Во-первых, здесь мы, очевидно, имеем дело с определенной «сетевой» трансформацией языковой личности. Специфические условия сетевого общения, такие как анонимность, дистантность и физическая непредставленность участников виртуальной коммуникации, трансформируют их речевые стратегии, что, очевидно, оказывает определенное влияние на индивидуальное «переживание» языка, то есть на языковую личность коммуникантов. Во-вторых, сетевое общение отличается не только особыми условиями восприятия/производства текстов, но и особой структурой самих текстов. Так, можно отметить высокую степень креолизованности электронных текстов, рост значимости визуальной составляющей, а также гипертекстуальность, проявляющуюся в нелинейности, многомерности и открытости.

Есть достаточно веские основания считать, что указанные структурные особенности «виртуального текста» настолько значимы в плане коммуникативной самоидентификации, что тот компонент «виртуальной личности», который мы соотносим с восприятием/производством текста, не только является трансформацией языковой личности, но и отчасти выходит за ее рамки. Связано это с тем, что

электронная коммуникация во многом воспроизводит, копирует те процессы, связанные с анализом текстовой информации, которые осуществляются в живом общении автоматически, на бессознательном уровне, и которые как раз отвечают за формирование языковой личности.

При этом не исключено, что именно неосознанность процессов, связанных с восприятием и производством текстовых сообщений, может быть очень важна для эффективности коммуникации в плане обеспечения самоидентификации ее участников. Дело в том, что общение на родном языке задействует неисчислимый арсенал вербальных и невербальных средств, связанных с бессознательными социальными и культурными стереотипами, — знаков, понятных преимущественно носителям языка, которые используют их неосознанно и спонтанно. Ключевую роль этих бессознательных стереотипов (паттернов речевого поведения) отмечал Э. Сепир, подчеркивая значимость их неосознанности для эффективности и полноценности общения: «Здоровая бессознательность форм социализированного поведения, которым все мы подчиняемся, также необходима для общества, как для телесного здоровья организма, необходимо, чтобы мозг не знал или, вернее, не осознавал, как работают внутренние органы» [10. С. 609]. Можно с достаточной уверенностью предположить, что усвоение и активное использование данных стереотипов речевого поведения не только обеспечивает эффективность речевой коммуникации, но и является залогом успешного формирования языковой личности (если бы это было не так, то любой индивид, овладевший иностранным языком, мог бы претендовать на соответствующую языковую личность).

Если приведенные нами выше соображения относительно принципиального отличия самоидентификации субъекта сетевого общения от языковой личности обоснованы, то можно сделать вывод о том, что Интернет должен привлекать тех, чья языковая личность развита слабо, чья потребность в полноценной самоидентификации не удовлетворяется в достаточной степени в «живом» межличностном общении или, например, в чтении книг (а не наоборот, людей с хорошо развитой языковой личностью, как можно было бы предположить, исходя из текстового характера электронной коммуникации).

2. Отметим, что гендерное измерение просматривается в обоих компонентах рассмотренной нами выше бинарной структуры субъекта сетевой самоидентификации. Действительно, представляется очевидным, что, поскольку гендер проявляется в речевой деятельности и, соответственно, языковая личность обладает определенной гендерной конфигурацией, постольку сетевая трансформация языковой личности (соответствующая первому компоненту структуры) будет затрагивать и ее гендерную составляющую. Другими словами, гендер должен проявляться в коммуникативных стратегиях, в языке сетевого общения (характеризующимся большей раскрепощенностью, экспрессивностью, свободой от условностей прямого межличностного общения и т.д.).

Особый интерес, в свете поставленной нами задачи, представляет вопрос о гендерной составляющей того компонента субъекта сетевой самоидентификации, который был обозначен нами выше как «субъект виртуального поиска». Очевидно,

что здесь мы имеем дело не столько с субъектом речевой деятельности, сколько с субъектом мышления — декартовским «когито».

Нетрудно заметить, что сетевая коммуникация отличается не только особенной формой «высказывания», но и предполагает специфическую структуру мышления, формирующего это «высказывание». С одной стороны, данная специфика обусловлена определенной совмещенностью состояний «производства высказывания» и «поиска места и формы высказывания» [8].

С другой стороны, существует вполне полноценная в смысле идентификации субъекта сетевого общения стратегия «молчаливого блуждания по Паутине», при которой высказывания вообще не «производятся». Очевидно, подобное занятие конструирует как декартовский субъект (будучи по сути мышлением), так и субъект собственно сетевой коммуникации, поскольку такие перемещения осуществляются на «территории текста» и траектория этих перемещений сама по себе включается в сетевой «текст». В этом легко просматривается связь «субъекта сетевого общения» с «человеком кликающим», а также, что весьма существенно с точки зрения выделения гендерного измерения сетевой коммуникации, с так называемым «номадическим субъектом», подробно исследованным теоретиком феминизма Р. Брайдогги.

Данный способ самоидентификации описывается следующим образом: «идентичность номады: желание идентичности, состоящей из переходов, последовательных сдвигов, смен координат, без эссенциального единства и вопреки ему» [1. С. 145]; «номадический стиль — это переходы и передвижения без установленного заранее места назначения» [1. С. 148].

Отметим, что здесь Р. Брайдогги исходит из предпосылки о насущной потребности в альтернативных формах и стилях самоидентификации, и данная потребность, по ее мнению, и послужила основанием формирования номадического субъекта. Из той же предпосылки исходим и мы, рассматривая формирование субъекта сетевой коммуникации. Можно предположить, что сходство причин возникновения данных альтернативных способов самоидентификации может привести к сходству следствий, то есть специфических отличий соответствующих субъектов идентификации — номадического субъекта и субъекта сетевой самоидентификации.

Примечательно, что настоятельная потребность в альтернативном способе самоидентификации, а именно — в самоидентификации номадического субъекта, артикулируется именно в феминистском философском дискурсе и представляется в нем потребностью преимущественно женской самоидентификации (точнее, речь здесь идет не столько о феминности, сколько о феминистке, хотя феминистская позиция весьма значима в самоидентификации западной женщины).

Соответственно, номадический субъект можно рассматривать в качестве своеобразного мостика между гендерной самоидентификацией и самоидентификацией в сетевом общении. При этом обращает на себя внимание существенное, практически портретное сходство современного участника сетевого общения, блуждающего по Всемирной Паутине, с описанием номадического субъекта, его/ее

состояния и траектории в социальном пространстве, данным Р. Брайдогги задолго до того, как сетевая коммуникация прочно обосновалась в повседневной жизни западного индивида.

В этой связи можно предположить, что Интернет отчасти удовлетворил и удовлетворяет потребность в альтернативной, не характерной для западного индустриального общества идентификации т.н. номадического субъекта, причем данная потребность впервые была артикулирована в феминистском дискурсе и соотносилась с западной женщиной, ее идентификационными запросами. (Напрашивается также предположение о большем соответствии моделей сетевой самоидентификации социально-культурным стереотипам, идентификационным паттернам и менталитету традиционных Восточных обществ.)

3. Следующая особенность субъекта сетевой коммуникации, которую мы бы хотели выделить, касается того, что данный субъект, будучи нематериальным и лишённым пространственных характеристик (он не занимает места в физическом пространстве), не лишен временных характеристик (занимает место во времени).

Временной характер субъекта сетевого общения ставит его в один ряд с теми идентификациями, которые осуществляются только в определенных условиях, во время совершения определенных действий, и не осуществляются в иных условиях. В частности, к подобным идентификациям относится «субъект профессионального труда», производящийся в процессе профессиональной коммуникации, а также «дополнительный» к этому субъекту «субъект досуга», или «субъект свободного времени».

При этом субъект сетевого общения отличается тем, что его построение осуществляется не в «реальном» времени (хотя и не вне времени). Другими словами, время, регулирующее сетевое общение, относительно: можно сказать, что каждая область пространства электронной коммуникации, каждая «коммуникативная площадка» обладает собственным ритмом коммуникации, динамикой общения, то есть собственными временными характеристиками.

Соответственно, та «виртуальная личность», которая формируется в процессе общения на различных «коммуникативных площадках» сетевого общения, как бы распадается на ряд сложным образом связанных между собой составляющих, каждая из которых конструируется в «собственном времени» (не случайно участники сетевого общения зачастую перестают «замечать время»). Мы считаем, что именно фрагментарность и квантованность временной составляющей сетевой коммуникации, в большей степени, чем какие бы то ни было другие ее свойства, оправдывают применяемый к ней эпитет «виртуальная».

Важнейшим следствием указанных особенностей сетевой коммуникации, ее «виртуальности» является то, что ее субъект принципиально не представляется непрерывной последовательностью состояний, — такой, что каждое последующее состояние строится исходя из всех предшествующих. По этой причине этот субъект не может обладать самождественностью во времени.

Примечательно, что в свое время философ О. Вейнингер связывал именно такую процедуру самоидентификации — процедуру, основанную на памяти о сво-

их прежних состояниях, — с бессмертием души, считая способность к подобной самоидентификации прерогативой «полноценного мужчины» (тип «М» в его терминологии), причем данный тип однозначно не связывается с представителями мужского пола [2]. Другими словами, субъект сетевой самоидентификации не может быть отнесен к типу «М» (под которым подразумевается не пол, а, скорее, гендер), что в некотором смысле указывает на своеобразную «феминность» данного субъекта.

4. Очевидно, построение сетевого субъекта исключает такой существенный идентификатор, как физическое тело индивида: «виртуальная личность» бестелесна. Хотелось бы остановиться на этом подробнее, поскольку сетевая коммуникация нас интересует, прежде всего, в контексте конструирования гендерной идентичности, а последняя как раз связана с биологическим полом, а значит, и с физическим телом.

На самом деле тот факт, что индивидуальный субъект, конструируемый сетевой коммуникацией, будучи бестелесным, имеет, как мы отметили выше, временной характер, свидетельствует о том, что здесь нельзя говорить о «теле» как идентификаторе личности в рамках классической дихотомии «душа — тело»: субъект сетевой самоидентификации нельзя однозначно соотносить с вневременным компонентом данной дихотомии (душой). В связи с этим для нас представляют интерес те подходы к понятию тела, которые выходят за рамки указанной дихотомии.

Подобные концепции разрабатывались в различных течениях феминистской мысли. В частности, с точки зрения таких теоретиков феминизма, как Ю. Кристева, Н. Чодоров, М. Баррет и др., тело включается в число идентификаторов гендерной субъективности, но при этом осуществляется дифференциация между «подлинным» телом индивида и его/ее социально сконструированными представлениями о своем теле, то есть проводится «разделение между истинным биологическим телом и телом как объектом репрезентации» [3. С. 613]. Можно заметить, что измерение «подлинности» здесь выделяется таким же образом, как оно (маркируемое искренностью) традиционно применяется к духовной/социальной/коммуникативной субстанции.

Так или иначе, приняв данную концепцию тела, мы будем вынуждены включить его (в качестве тела как репрезентации) в процесс виртуальной идентификации личности (хотя бы по той простой причине, что в сетевом общении могут быть задействованы фотографии или другие изображения, представляющие сетевые персоны участников). Кроме того, представляется очевидным, что «тело как репрезентация» участвует в конструировании коммуникативной личности и в процессе непосредственного межличностного общения, так как собеседники видят друг друга, и значение видимого телесного образа накладывает отпечаток на процесс общения (это наглядно иллюстрируется очевидным расхождением в построении реплик, обращенных к взрослому человеку или к ребенку, к мужчине или к женщине). Наконец, можно заметить, что если мы упрощенно определим «гендер» как то, что остается от «пола» при исключении «тела», то в таком «гендере» также парадоксальным образом будет присутствовать тело, но только в форме

репрезентации. Примечательно, что данный подход к концепции «тела» сохраняет дихотомию «душа — тело», хотя трансформирует и переформатирует ее.

Альтернативная позиция, разделяемая Дж. Батлер, Л. Ирригарэ и некоторыми другими представителями феминистской мысли, состоит в отказе от какого бы то ни было выделения «неозначающего», биологического измерения телесности: тело (природа) полностью, без остатка вписывается в культуру. Эти теоретики феминизма «...декларируют тело как дискурсивный объект, тело, подчиненное воле желаний, обозначений и власти» [3. С. 615]. С этой точки зрения биологический пол оказывается встроенным в концепт гендера, поэтому данные понятия становятся взаимозаменяемыми.

Возвращаясь к виртуальной коммуникации, отметим, что в ней, очевидно, будет участвовать и конструироваться пол/гендер, если мы определим его согласно последней позиции, подразумевающей абсолютную «окультуренность», «дискурсивность» тела. Но и в общем случае представляется очевидным, что виртуальная коммуникация деформирует дихотомию телесное/духовное, прочно связанную с другими дихотомическими парами, такими как природа/культура, интуитивное/рациональное и т.п., поэтому физическое отсутствие тел в виртуальной коммуникации означает только то, что тела здесь по-другому определяются и репрезентируются. Соответственно, можно утверждать, что физическая непредставленность участников сетевой коммуникации не должна являться помехой для конструирования и репрезентации гендера, связанного с биологическим полом и физическим телом.

5. Еще одно потенциальное препятствие к тому, чтобы полноправно встроить гендер в сетевую идентификацию личности, связано с тем, что гендерная идентичность имеет существенный социальный аспект, тогда как «сетевое сообщество», в котором осуществляется виртуальная идентификация, очевидно, не является полноценным социальным пространством. Рассмотрим вопрос о социальной составляющей индивидуального субъекта сетевой коммуникации подробнее.

Когда мы говорим об идентичности, самоидентификации, самосознании, самовыражении индивида, мы всегда мыслим некую конструкцию индивидуального субъекта, построенную в социальных координатах. Можно утверждать, что вне каких бы то ни было социальных связей, вне общества, индивида не существует: для того, чтобы увидеть себя в качестве отдельного, автономного субъекта, необходимо определить свое место, но это место можно искать только в социальном пространстве, выделив себя среди других индивидуальных субъектов социального взаимодействия.

То же самое можно сказать и о гендерной идентичности, о том состоянии «взрослого» индивида, которое должно считаться результатом процесса ее формирования (взросление всегда — социальное взросление). Соответственно, закономерен вопрос о самой возможности полноценной гендерной идентификации субъекта не в социальном, а в виртуальном, псевдосоциальном пространстве. Несмотря на то, что на этот вопрос напрашивается отрицательный ответ — трудно представить себе «взросление в Сети», — такой однозначный ответ не хотелось

бы давать хотя бы из-за той «уверенности в себе», которую многие пользователи испытывают именно в сетевой коммуникации и которой они лишены в «реальной», внесетевой жизни. Представляется вероятным, что в подобном «самоутверждении в виртуальной коммуникации» присутствует некое гендерное измерение. Кроме того, можно предположить, что эта уверенность в себе, возникая в сетевом общении в качестве некоего «показателя самоутверждения», отчасти сохраняется и в «реальной» жизни.

6. Из чего может складываться вышеупомянутый «показатель самоутверждения» индивида в виртуальном общении? По всей видимости, здесь действует целый ряд как объективных, так и субъективных факторов, ведь речь идет, прежде всего, об индивидуальном восприятии всех аспектов сетевого общения.

Во-первых, может играть роль такой фактор, как «сетевая популярность», отражающий способность индивида создавать в сетевом общении своеобразный «центр коммуникативного притяжения» (в этой связи весьма показательны такие распространенные в последнее время выражения, как «звезда Интернета», «известный блогер и т.п.).

Во-вторых, имеет значение психологическая и когнитивная предрасположенность к сетевому общению. Можно предположить, что данная предрасположенность связана, прежде всего, со способностью к спонтанному совмещению двух компонентов коммуникативной деятельности, рассмотренных нами ранее, а именно — «виртуального поиска» и «производства/восприятия виртуальных текстов».

Наконец, существует определенная специфика жанров и форматов сетевого общения, во многом определяющая эффективность тех или иных коммуникативных стратегий (с которыми, в свою очередь, связаны определенные коммуникативные навыки и способности). Так, сетевая коммуникация в меньшей степени, чем живое общение, продуцирует иерархические структуры типа говорящий/слушающий, выделяя в качестве эталона коммуникативной компетенции не столько автора, компетентно создающего текст, сколько коммуникатора-компилятора, компетентно манипулирующего чужими высказываниями-текстами.

Отметим, что последнее свойство традиционно ассоциируется с «женским стилем коммуникации», что наводит на предположение о преимущественно «женском» характере сетевого общения. Очевидно, что для формулировки подобных предположений мы вынуждены, хотя бы временно и условно, встать на позицию «эссенциализма», то есть признать существование «природных различий» мужского и женского мышления, мужской и женской логики, мужского и женского стилей общения и т.д. Тем не менее, как мы это отмечали выше, подобные суждения существуют независимо от их справедливости или обоснованности, допустим, в качестве стереотипов, и, как минимум, в этом качестве — как гендерные стереотипы — данные суждения имеют отношение к гендеру. Соответственно, упомянутые нами свойства сетевой коммуникации нельзя считать гендерно-нейтральными; несмотря на кажущееся гендерное безразличие, бестелесность, транскультурность и дружелюбность электронной среды коммуникации к любым проявлениям индивидуальности, гендер в ней все же просматривается и конструируется.

Естественно, это не обязательно означает, что «коллективный субъект Интернета» — субъект сетевого языка — обладает определенными гендерными характеристиками, например, феминностью или маскулинностью. Скорее, следует говорить об определенном гендерном эффекте электронной коммуникации — о том воздействии, которое она оказывает на процесс производства гендера. Упрощенно говоря, то изменение, которое происходит в сознании пользователя в результате его/ее общения в Интернете, не является гендерно-нейтральным, причем это изменение затрагивает все ипостаси гендера — гендерные представления, гендерные стереотипы и гендерную идентичность. Этот «гендерный эффект» сетевой коммуникации будет, естественно, транслироваться и пролиферироваться в «реальную», внесетевую жизнь индивида, а также накапливаться и корректироваться в процессе его/ее дальнейшей коммуникативной деятельности в Сети.

7. Наконец, хотелось бы остановиться на проблеме статуса виртуальной (само)идентификации в ряду иных форм социальной (само)идентификации, а также соответствующего статуса «сетевого сообщества» в «реальной» социальной структуре. В частности, в контексте популярной интерпретации сетевого сообщества как равноправного и свободного социума представляет определенный интерес вопрос о том, способно ли это сообщество создавать коллективный базис для индивидуальной самоидентификации. Создает ли сетевая коммуникация определенный, своеобразный «стиль мировосприятия», аналогичный тому, например, что У. Липман называл «публичной философией» [5], продуцируемой в рамках философского и общественно-политического дискурса в западном обществе и определявшей, с его точки зрения, сознание индивида эпохи модерна? Каковы перспективы этого «сетевого мировоззрения», этой «виртуальной философии»? Можно ли считать, что она уже сейчас определяет сознание определенной страты информационного общества? Является ли эта страта высокостатусной? Будет ли она расширяться и доминировать в будущем?

Естественно, подобные вопросы, касающиеся возможного «социального эффекта» сетевой коммуникации (очевидно, этот эффект может иметь гендерное измерение), не допускают однозначного ответа хотя бы по той причине, что ни общество в целом, ни какая-то его часть, ни отдельный индивид не в состоянии выделить в своей самоидентификации «вклад» Интернета. Тем не менее, постановка подобных вопросов возможна, целесообразна и оправдана: достаточно обратить внимание на изобилие всевозможных сетевых объединений «по интересам» (зачастую маргинальных), которые достаточно устойчиво и плодотворно функционируют в Сети, хотя едва ли могли бы так же уверенно существовать в «реальной» жизни. Этот факт можно объяснить тем, что некоторая ущербность, неполноценность сетевой коммуникации (по сравнению с «живым» общением) отчасти компенсируется обеспечивающейся Интернетом точностью позиционирования индивидуальных различий. Более того, возможно, здесь просматривается не просто компенсация, но и определенная причинно-следственная связь: именно недостаточность (в смысле обеспечения полноценной самоидентификации) сетевой коммуникации позволяют осуществлять ее в таких «коммуникативных узлах», на таких «коммуникативных площадках», которые могут эффективно функцио-

нирывать в качестве арен самоидентификации только в условиях Сети (в реальной жизни эти участники, возможно, никогда не стали бы общаться друг с другом, или не нашли бы общего языка). Таким образом, недостаток сетевого общения может стать его же преимуществом.

Еще одно возможное идентификационное преимущество сетевой коммуникации связано, с нашей точки зрения, с тем, что можно назвать «унитарностью» субъекта сетевого общения.

Действительно, нетрудно заметить множественность «образа себя», являющегося идентификационным результатом межличностной коммуникации. Каждый индивид по-разному настраивается на общение с разными собеседниками, и поэтому говорить о какой-то единой «личности участника межличностного общения» не представляется возможным. Строго говоря, таких «коммуникативных личностей» каждый индивид имеет столько, сколько существует знающих его/ее людей (в сознании которых запечатлен его/ее образ). Из множества таких «коммуникативных образов» можно сконструировать целый ряд достаточно устойчивых «социальных персон», выделяя из всего массива межличностного общения отдельные сегменты, такие как общение в кругу семьи, общение на работе и т.п., но принципиальная множественность идентификаций личности при этом сохраняется. Что же касается сетевой коммуникации, то она, по-видимому, создает унитарный субъект, причем факт построения этого субъекта именно в сетевой коммуникации оказывается в каком-то смысле (а именно — в смысле унитарности субъекта) важнее, чем тема этой коммуникации и состав ее участников.

В заключение хотелось бы отметить, что исследование проблемы гендерной идентификации в контексте сетевой коммуникации, так же как и анализ значимости самоидентификации в Интернете, на данной стадии развития электронной коммуникации может быть направлено скорее на постановку вопросов, чем на поиск ответов.

Тем не менее, уже сейчас обнаружилась растущая актуальность данных задач. По-видимому, сейчас увеличивается группа людей, ощущающих настоящую потребность в виртуальном общении, причем мы связываем данную потребность с определенным беспокойством относительно самоидентификации, которое недостаточно успешно разрешается у этих людей в ходе обычного «живого» общения: коммуникативные условия Сети оказываются для них в этом смысле более комфортными.

Характерно, что эти люди, предпочитающие виртуальное общение, не являются в современном обществе ни изгоями, ни отшельниками, что, по-видимому, свидетельствует о высоком статусе электронной коммуникации как таковой: поведение человека, отчужденного от окружающего мира и постоянно погруженного в виртуальное общение, воспринимается не столько как девиантное, сколько как «продвинутое» поведение представителя «креативного класса».

Кроме того, можно заметить, что некоторые стратегии и модели сетевой коммуникации перенимаются «живой» коммуникацией вместе с обозначающими их терминами (например, такие слова, как «троллинг», «троллить», «спамить» и т.п., свободно употребляются сейчас вне их первоначального «сетевого» контекста).

Так или иначе, не вызывает сомнения тот факт, что в настоящее время Интернет становится для все большего числа людей во всем мире зоной наиболее комфортного общения, наибольшей искренности и откровенности, что несомненно свидетельствует о высоком самоидентификационном потенциале этой формы коммуникации. Весьма примечательно в этом смысле, что люди поверяют Интернету даже наиболее сокровенную информацию о себе — то, что в иные времена они доверили бы в лучшем случае надежно спрятанному личному дневнику или не раскрывали бы совсем, отчетливо осознавая, что все, что они помещают в Сети, может быть прочитано практически любым желающим. В этом поразительном факте нельзя не усмотреть подтекста самоидентификации: очевидно, что здесь доминирует настоятельная потребность не просто в самовыражении, но в таком заявлении о себе, которое непременно должно быть услышано, причем даже не важно — кем именно услышано: важно только то, что здесь возникает коммуникация «индивидуального внутреннего мира» с «внешним», социальным миром, которая укрепляет этот «индивидуальный мир» в его существовании.

Что касается характера и статуса той личности, которую индивид раскрывает и утверждает в своей сетевой коммуникации, то относительно нее мы предположили, что она не отождествляется с языковой личностью (хотя ее формирование и репрезентация имеют преимущественно текстовый характер); кроме того, мы установили, что эта личность не свободна от определенных гендерных значений (несмотря на то, что пользователь может наделять своего «сетевого представителя» совершенно произвольными гендерными характеристиками).

Данные выводы достаточно интересны: сетевая идентичность как бы облечена в текст, сопутствует тексту, не существует помимо текста, но она, тем не менее, не отождествляется с субъектом речевого высказывания и производится в совершенно ином, вне-языковом (до-языковом? до-символическом? воображаемом?) координатном пространстве. При этом данное пространство построения виртуальной личности оказывается не лишено, как мы отметили, гендерного измерения. Существовая как бы вне или до языка, субъект виртуальной коммуникации оказывается наделен гендерными значениями. Эти значения угадываются уже в той интервенции приватной (гендерно-маркированной) коммуникации в публичную (традиционно — «мужскую») коммуникацию, которую мы наблюдаем в блогах публичных деятелей, политиков и т.п., в гендерной игре с сетевыми псевдонимами и во многих других аспектах сетевой коммуникации [7].

Особенно плотно гендер оказывается вписан в контекст сетевой самоидентификации. В частности, мы обнаружили сходство феминистских проектов альтернативной самоидентификации («путь номады» Р. Брайдотти) с тем способом самоидентификации, который предоставил Интернет. Здесь можно усмотреть гендерную подоплеку различных уровней мотивации сетевого общения как своеобразного способа самоидентификации — от индивидуального (предпочтение именно этой формы коммуникации) до социального (общественный запрос, связанный с тем, что межличностная коммуникация недостаточно обеспечивает гендерную самоидентификацию).

Представляется вероятным, что наличие гендерного измерения в субъекте виртуальной (текстовой) самоидентификации не только не противоречит дистанцированию последнего от языковой личности, но отчасти именно с этим и связано. Возможно, здесь играет роль то, что «способ производства» данного субъекта нельзя отождествлять с процессом вербализации, тогда как формирование языковой личности в «живой» коммуникации осуществляется, по-видимому, именно в момент бессознательной (спонтанной) вербализации смысловой (невербальной) интенции — в процессе претворения общего «плана высказывания» в слитное текстовое сообщение. Что же касается гендерной самоидентификации, то она, осуществляясь в «живом» общении, задействует не только вербальную, но и во многом (а подчас и преимущественно) невербальную сферу: гендерные значения формируются и передаются не только текстовыми сообщениями, но и эмоциональной модуляцией общения, интонацией (например, разговор «на повышенных тонах» отчетливо артикулирует гендер), мимикой, жестикующей и т.д. Не исключено, что именно это отличие каким-то образом транспонируется в коммуникацию «виртуальных гипертекстов»: естественно, сетевой «гипертекст» не передает и не может передать всех нюансов невербальной составляющей живого общения, но он и не приравнивается к отчужденному содержанию общения — «тексту» обмена смысловыми сообщениями.

Возможно, именно в этом несовпадении, в этом «коммуникативном зазоре» может конструироваться гендер, а вот каким образом он будет конструироваться, какое влияние окажет общение в Сети на гендерную идентичность вступающего в это общение индивида, будет в немалой степени зависеть от самого индивида, выстраивающего свою «траекторию сетевой коммуникации» самостоятельно и без какого бы то ни было принуждения.

Именно последнее обстоятельство — свобода выбора траектории коммуникации — делает сетевое общение особенно привлекательным в плане обеспечения самоидентификации и выгодно отличает его от прочих видов коммуникации, где индивидуальная «коммуникативная траектория» в большей степени обусловлена внешними обстоятельствами, неподвластными воле индивида.

В реальной коммуникации индивид как бы «прокладывает» свою коммуникативную траекторию в конкретных социальных условиях, не всегда к нему дружественных, и именно так, зачастую в «борьбе» (не всегда успешной), выстраивает свою социальную личность (в том числе — ее гендерную составляющую). Виртуальная коммуникация практически лишена этого напряжения, поэтому «нереальность» конструируемой в процессе этой коммуникации идентичности отчасти компенсируется ее большим соответствием индивидуальным когнитивным и коммуникативным особенностям, не проявляющимся в жестких условиях реальной коммуникации. Образно говоря, в сети индивид создает «тепличную модификацию» своей личности, причем мы попытались доказать, что эта «виртуальная» (хотя в некотором смысле более подлинная, чем «реальная») личность оказывается не лишена гендерного компонента.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Брайдотти Р.* Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. — Ч. II / Под ред. С.В. Жеребкина. — Харьков: ХЦГИ, 2001. — С. 136—163.
- [2] *Вейнингер О.* Пол и характер. — М.: Латард, 1997.
- [3] *Гросс Э.* Изменяя очертания тела // Введение в гендерные исследования. — Ч. II / Под ред. С.В. Жеребкина. — Харьков: ХЦГИ, 2001. — С. 599—625.
- [4] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987.
- [5] *Липман У.* Публичная философия. — М.: Идея-Пресс, 2004.
- [6] *Лорбер Дж.* Пол как социальная категория // Альманах THESIS. — 1994. — Вып. 6 (Женщина, мужчина, семья). — С. 127—136.
- [7] *Максимова О.Б.* Гендерные аспекты блоггерской политической коммуникации // Вестник РУДН. Серия «Политология». — 2012. — № 2. — С. 120—135.
- [8] *Максимова О.Б.* Индивид и общество в зеркале Интернета: виртуальное измерение коммуникативной личности и ее представление в сетевом сообществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 8. — Ч. 1. — С. 146—150.
- [9] *Милоска Й.* Идентичность женщин и мужчин в жизненном цикле // Социология. — Серия 11. — 1999. — № 4. — С. 102—114.
- [10] *Сепир Э.* Бессознательные стереотипы поведения в обществе // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 1993. — С. 594—610.
- [11] *Тарасенко В.В.* Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» // Общественные науки и современность. — 2000. — № 5. — С. 111—120.
- [12] *Ясперс К.* Разум и экзистенция. — М.: Канон-плюс, 2013.
- [13] *Castells M.* The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. — Vol. I. — Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.

SELF-IDENTIFICATION AND GENDER IDENTITY CONSTRUCTION IN THE INTERNET COMMUNICATION

O.B. Maximova

The Department of Foreign Languages
Faculty of Social Sciences and Humanities
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The author helms the reader to the problem of self-identification in the Internet communication focusing on its gender aspects. The connection between the Internet communication subject and the nomadic one is highlighted. The virtual communication impact on language personality is touched upon. The author makes a hypothesis of the binary structure which can be attributed to the Internet communication unitary subject revealing gender dimension in both components.

Key words: Internet communication, self-identification, gender identity, gender construction, gender stereotypes, nomadic subject, «man who clicks», hypertext, language personality.

REFERENCE

- [1] Brajdotti R. Putem nomadizma // Vvedenie v gendernye issledovanija. — Ch. II / pod red. S.V. Zherebkina. — Har'kov: HCGI, 2001. — S. 136—163.
- [2] Vejninger O. Pol i harakter. — M.: Latard, 1997.
- [3] Gross Je. Izmenjaja ochertanija tela // Vvedenie v gendernye issledovanija. — Ch. II / pod red. S.V. Zherebkina. — Har'kov: HCGI, 2001. — S. 599—625.
- [4] Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. — M.: Nauka, 1987.
- [5] Lipman U. Publichnaja filosofija. — M.: Ideja-Press, 2004.
- [6] Lorber Dzh. Pol kak social'naja kategorija // Al'manah THESIS. — 1994. — Vypusk 6 (Zhen-shhina, muzhchina, sem'ja). — S. 127—136.
- [7] Maksimova O.B. Gendernye aspekty bloggerskoj politicheskoj kommunikacii // Vestnik RUDN. Serija «Politologija». — 2012. — № 2. — S. 120—135.
- [8] Maksimova O.B. Individ i obshhestvo v zerkale Interneta: virtual'noe izmerenie kommunika-tivnoj lichnosti i ee predstavlenie v setevom soobshhestve // Istoricheskie, filosofskie, politi-cheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. — 2011. — № 8. — Ch. 1. — S. 146—150.
- [9] Miljuska J. Identichnost' zhenshhin i muzhchin v zhiznennom cikle // Sociologija. — Serija 11. — 1999. — № 4. — S. 102—114.
- [10] Sepir Je. Bessoznatel'nye stereotipy povedenija v obshhestve // Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. — M.: Progress, 1993. — S. 594—610.
- [11] Tarasenko V.V. Antropologija Internet: samoorganizacija «cheloveka klikajushhego» // Ob-shhestvennye nauki i sovremennost'. — 2000. — № 5. — S. 111—120.
- [12] Jaspers K. Razum i jekzistencija. — M.: Kanon-pljus, 2013.
- [13] Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. — Vol. I. — Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.